

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ И УКРАИНЕ¹

Реутов Е.В., канд. социол. наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия, г. Белгород

В социальном пространстве человек постоянно сталкивается с необходимостью самоидентификации – причисления себя к той или иной группе – первичной или вторичной, небольшой или массовой социальной общности. Немаловажным элементом самоидентификации является также отождествление личности себя, своих интересов с такими социальными объектами, как культура, язык, идеология, социальные институты, ценности и др. Ключевым психологическим механизмом социальной идентификации является стремление избежать одиночества, ощутить причастность к другим, дающее определенную уверенность в прочности своего места в социальном пространстве.

Специфика гражданской идентичности состоит в том, что она представляет собой чувство сопричастности не к примордиальным группам (семье, клану, этносу), в идентификации к которым говорит «голос крови», а к политическому сообществу. В трактовке Л.М. Дробижевой, для гражданской идентичности характерно «отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обиды, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии)»².

Однако проблема формирования гражданской идентичности состоит в том, что принадлежность к политическому сообществу гораздо в большей мере, чем самопричисление к примордиальным и локальным группам, – рационализируемый феномен, а иногда – и факт свободного выбора. Соответственно, и формирование гражданской идентичности является результатом гораздо более сложного социализационного процесса, в котором ключевую роль играют вторичные агенты социализации – такие как государство, СМИ и пр. И, поскольку гражданская идентичность, как правило, формируется позже многих других форм социальной идентичности (локальной, этнической, культурной и др., формирование которых во многом спонтанно и естественно), она нередко вступает в конфронтацию с ними.

Сложность формирования гражданской идентичности состоит также в том, что на ней напрямую отражается политика государства – с одной стороны, в виде целенаправленного воздействия на патриотические чувства граждан, с другой – как спонтанный эффект эффективности или неэффективности государства в обеспечении нормальной жизнедеятельности сообщества. Помимо политического фактора, на гражданскую идентичность очень сильно влияют дифференциация общества – наличие и степень выраженности социокультурных и территориальных, а также – в определенной мере – и социальноэкономических расколов.

Исследование гражданской, а также локальной, культурной (прежде всего, религиозной, конфессиональной) идентичности представляет собой не только академическую задачу. В современном мире можно набрать огромное количество примеров того, как идентификация по тому или иному признаку сплачивает или, наоборот, дезинтегрирует общества, снижает или увеличивает вероятность политических и межэтнических конфликтов. Нередко идентичность используется политиками как инструмент воздействия на массы. Последние события в Украине показали, насколько зыбкой может оказаться гражданско-государственная идентичность в условиях социокультурных расколов, политического хаоса, бессилия государства и воздействия

¹ Статья подготовлена в рамках Задания №2014/420 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (рук. В.П. Бабинцев).

² Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтничной среде // Социологические исследования. 2010. №12. С.49.

внешних сил. И, хотя Украина является «крайним» примером, подобные процессы в той или иной мере характерны, по большому счету, для всех гетерогенных обществ.

Целью данной статьи является анализ гражданской идентичности в российском и украинском обществах, а также попытка установления взаимосвязи выраженности данного феномена с конкретными политическими процессами. Материалом для анализа послужили данные социологических мониторингов, проведенных в разные годы российскими и украинскими исследовательскими центрами.

И Россия, и Украина представляют собой общества с сильнейшими социокультурными (и даже цивилизационными) разломами. В России – это противоречия между традиционной, в основе своей православной культурой, не менее традиционной исламской культурой и прозападной либеральной культурой, не говоря уже о многочисленных промежуточных и периферийных вариантах или еще более экзотических субкультурах. В Украине продолжается (и, в значительной мере, оформляется) социополитическое размежевание юго-востока, центра и запада страны. Переход Крыма под юрисдикцию России, с одной стороны, снижает уровень социокультурной дифференциации Украины, с другой – способствует дальнейшему развитию центробежных тенденций юго-восточных регионов. Социокультурная дезинтеграция в сочетании с низкой эффективностью государственного управления препятствуют формированию политической общности.

Для России проблема неэффективности государства не является столь серьезной, как для Украины, но стоит, тем не менее, достаточно остро. Большинство политических институтов обладают весьма слабой легитимностью, а прочность политической системы во многом зависит от фигуры «национального лидера». Тем не менее, данные социологических исследований показывают высокий уровень гражданской идентичности россиян.

С начала 1990-х гг. региональная идентичность во многом выполняла компенсаторную функцию в условиях кризиса общенациональной идентичности, когда «население субъектов РФ оказалось в ситуации, сопоставимой – несмотря на кажущуюся абсурдность такой аналогии – с той, в которой пребывали древние племена в эпоху формирования у них мифологии»¹. Причем, стихийное формирование региональных общностей зачастую опережало институциональное строительство. Соответственно этому, реальные проявления регионального сознания часто вступали в противоречие с официальной версией российского федерализма. Тем не менее, эффект федерализации и приобретения областями и краями бывшей РСФСР статуса субъектов федерации из институциональных факторов имел приоритетное значение для становления локальной идентичности (в особенности, в «русских» регионах): «в отсутствие четких культурных границ между русскими ареалами политико-историческая или политико-административная идентификация становится естественным заменителем культурно-провинциальной»². Из неинституциональных факторов формирования региональной идентичности наибольшее значение имел лавинообразный процесс утраты центральной государственной властью социальной функции и ее тотальная неэффективность³.

Первыми проявлениями региональной идентичности стало формирование политического самосознания в этнических республиках, которые в 1990-1991 гг. провозгласили суверенитет. В результате представители титульного этноса стали считать первичной и определяющей свою принадлежность именно к республике, а уже потом к России. Усиление автономистских тенденций в республиках стимулировало похожий,

¹ Малайкин И. Региональная российская мифология // Pro et contra. Т.5. №1. Зима 2000. С.111.

² Туровский Р. Региональная идентичность в современной России. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/56404.htm> (дата обращения: 20.02.2012).

³ Большаков С. Проблемы региональной идентичности в российском политическом пространстве. URL: <http://www.dialogvn.ru/uk/2003/n01/s03-1-06.htm> (дата обращения: 20.02.2012).

хотя и менее интенсивный, процесс в краях и областях России¹. В итоге, формирование региональной идентичности в политическом пространстве России было неравномерным. В этнических республиках, где уже существовал опыт хотя и декоративной, но все же государственности в рамках автономных республик, обладавших своими конституциями, инициаторами региональной идентификации стали республиканские элиты. В областях и краях России формированию региональной идентичности являлось более спонтанным процессом, и общегражданская идентичность оставалась гораздо более значимой.

По результатам мониторинга ВЦИОМ (2014 г.), 63% респондентов признали себя, прежде всего, «гражданами России», нежели «жителями своего региона, города, села» (24%) или представителями этнической группы (20%). На протяжении второй половины 2000-х – первой половины 2010-х гг. это соотношение менялось, но не очень сильно. Так, в 2008 г. был зафиксирован пик общегражданской идентичности – гражданами России, в первую очередь, признавали себя 70% опрошенных, носителями локальной идентичности были 22%. К 2009 г. удельный вес носителей локальной идентичности снизился до 12%, общегражданской – до 48%².

Из этого следуют, по крайней мере, два вывода. Во-первых, в современных условиях в России общегражданская и локальная идентичности фактически уже не конкурируют, как это было в 1990-е гг. По крайней мере, так обстоит дело в «русских» регионах. Ситуация в этнических республиках представляется более сложной. Во-вторых, достаточно очевидной представляется взаимосвязь динамики гражданской идентичности с экономической и политической ситуацией в обществе. В 2009 г. начали сказываться последствия финансово-экономического кризиса, и это повлияло на уровень самоидентификации граждан с политическим сообществом. Одновременно с этим возрастает уровень «абстрактно-видовой» идентичности – «просто человек» – с 26% в 2008 г. до 30% в 2009 г.³

Ситуация с общегражданской идентичностью в Украине, как отмечалось ранее, представляется гораздо более сложной ввиду наличия постоянно актуализирующихся социокультурных (а в настоящее время – и геополитических) расколов. «Автономистские интересы части украинского общества пока еще имеют черты не столько осознанного политического интереса достижения определенных целей посредством механизмов автономной власти, сколько проявления реакции самозащиты в условиях неудовлетворенности нерешенностью вопросов своей культурно-цивилизационной самоидентификации»⁴.

На протяжении 1992-2013 гг., по данным Института социологии НАН Украины, уровень общегражданской идентичности не поднимался выше 54,6%. И этот пик, по-видимому, был обусловлен эйфорией общества от «оранжевой революции», в ходе которой народ в лице националистической и одновременно прозападной контрэлиты одержал победу над властью. Удельный вес респондентов с региональной и местной легитимностью в совокупности составлял тогда 33,9%. В 2013 г. доля респондентов с общегражданской идентичностью снизилась до 50,6%, с региональной и местной идентичностью – увеличился до 36,4%⁵. В 2012 г., по данным Центра Разумкова, отвечая на вопрос «В последнее время говорят о том, что украинское общество разделилось на две почти враждующие части по региональному признаку. Как Вы считаете, существует ли

¹ Туровский Р. Региональная идентичность в современной России. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/56404.htm> (дата обращения: 20.02.2012).

² Патриотизм и гражданство. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114751> (дата обращения: 22.03.2014).

³ Там же.

⁴ Зоткин А. Тенденції автономізму та унітаризму в українському суспільстві (2009-2013 рр.) // Українське суспільство 1992-2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України. 2013. Р.89.

⁵ Українське суспільство 1992-2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України. 2013. Р.490.

такой раскол общества?», респонденты разделились на две равные части: 41,9% отметили наличие такого раскола, 42% – его отсутствие. При этом наибольшее количество респондентов, отметивших наличие межрегионального раскола (59,5%), было зафиксировано в южной части Украины (в том числе, АР Крым)¹. Тем не менее, даже в январе 2014 г. идею федерализации Украины не поддерживало абсолютное большинство респондентов – 61,4% против 15,8% (данные Центра Разумкова). Достаточно немного респондентов высказывались за выход своей области из состава Украины на правах независимости (4,5%) или присоединение ее к другому государству (5,5%). Причем, в южных и восточных регионах эта доля также не была критической. На юге Украины идею создания самостоятельного государства поддержали 12,7% опрошенных, присоединение к другому государству – 13,1%. На Востоке соответствующие доли респондентов составили 4,7% и 8,6%².

Можно предположить, что последствия Евромайдана и присоединения к России Крыма будут иметь двойственное значение для общегражданской идентичности населения Украины. С одной стороны, отделение Крыма означает для Украины достаточно ощутимое уменьшение доли нелояльного к концепту «украинской гражданской (и этнической) идентичности населения. С другой – геополитическая и социально-экономическая нестабильность в Украине не позволяет новой власти использовать противостояние с Россией в интересах общенациональной консолидации.

Для гражданской идентичности в России последствия кризиса в Украине и присоединения Крыма, а также конфронтации с Западом, скорее всего, будут иметь краткосрочный позитивный эффект. Однако неблагоприятные экономические последствия от ассимиляции Крыма, санкций со стороны западных стран и, главное, от милитаризации экономики и вынужденной, в силу этого, реструктуризации социальных расходов может оказать негативное влияние в долгосрочной перспективе.

УДК 37.061

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Рубец С.Г., ст. преподаватель кафедры мелиоративных и строительных машин
Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, Республика Беларусь*
*Кулько Е.И., ст. преподаватель кафедры педагогики, психологии и социологии
Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, Республика Беларусь*

В современном информационном обществе отмечается тенденция к постоянному увеличению объема информации и высшая школа не может дать молодому специалисту универсального набора знаний, которые останутся с ним на всю жизнь. Поликультурность и изменчивость современного мира ставит новые задачи перед высшей школой.

Подготовка нового поколения к жизни в изменяющихся социально-экономических условиях предполагает активизацию ее личностного и профессионального самоопределения, что определяет развитие профессионального сознания. Профессиональное сознание можно представить, как информационно-синергетическую систему, обеспечивающую получение, хранение, преобразование, и передачу профессиональной информации, позволяющую самостоятельно контролировать и регулировать профессиональное поведение в соответствии с поставленной целью.

¹ Останнім часом говорит про те, що українське суспільство розділилося на дві майже ворогуючі частини за регіональною ознакою. Як Ви вважаєте, чи існує такий розкол суспільства? (регіональний розподіл). URL: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=871 (дата обращения: 22.03.2014).

² Ставлення громадян України до різних варіантів її територіального устрою: Результати соціологічного дослідження. URL: http://razumkov.org.ua/ukr/news.php?news_id=452 (дата обращения: 22.03.2014).